

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫХ КОМПОНЕНТОВ В РУССКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЗАРУБЕЖНОЙ СКАЗКИ

Л. М. Кольцова, С. Е. Токмакова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 17 января 2013 г.

Аннотация: статья посвящена изучению сходств и различий в употреблении оценочных единиц, рассмотрению семантических сдвигов и изменений в языковых картинах мира в переводной литературной сказке и оригинале. Исследование направлено на поиск средств, позволяющих определить верную оценочную «окраску» текста, предназначенного для ребенка.

Ключевые слова: эмоционально-оценочный компонент, аксиологический знак, картина мира.

Abstract: the article discusses similarities and differences in the use of evaluative words, and analyzes semantic shifts and changes in the linguistic world view in the translated tale and in its original. The research is aimed at the study of the means that allow to identify the correct evaluative «colouring» of a text meant for a child.

Key words: emotional-evaluative component, axiological sign, world view.

В настоящее время исследования текста, в том числе и художественного, ведутся в рамках целого ряда дисциплин: лингвистика, психология, психолингвистика, теория коммуникации и т.д. Подобный интерес вызван определенным смещением акцента в исследованиях текста: он рассматривается не только как источник данных о языке, но и как «материально-идеальная, высшая, относительно законченная единица творческой речемыслительной деятельности, воплощающая в единстве формы и содержания картину фикционального мира, отражающая особенности эстетического восприятия действительности и средствами языка моделирующая авторское видение мира» [1]. Это ставит перед интерпретаторами, педагогами, лингвистами, переводчиками серьезные и сложные задачи, связанные с необходимостью перекодирования одной уникальной языковой системы в другую.

Чрезвычайно интересно исследование тех трансформаций, которые происходят при переводе. Перевод, как отмечает В. Г. Красильникова, является составной частью большого класса явлений, которые В. В. Виноградов назвал «вариантными формами воплощения того же замысла». «К этому классу можно отнести литературные «переделки и подделки», произведения, созданные на основе одного сюжета, новые произведения, созданные на основе иноязычных оригиналов, но не являющиеся переводами, а также переводы одного текста на разные языки, выполненные в разные исторические периоды» [2, с. 5–6].

Необходимым элементом перевода является наличие посредника, который сначала выступает в роли реципиента и формирует собственное понимание художественного текста, а затем осуществляет языковое перекодирование. Так как смысл, возникая в деятельности, тем не менее, является единицей сознания, путь, который проходит сообщение, можно было бы описать, по мнению В. Г. Красильниковой, следующим образом: «...от сознания автора через языковые знаки к сознанию переводчика; от сознания переводчика через языковые знаки к сознанию адресата. Поскольку нет двух людей, которые полностью совпадали бы по своим психологическим характеристикам, «картина мира» и, следовательно, смыслы, извлекаемые из текста разными переводчиками, будут неодинаковы» [2, с. 61]. Именно поэтому в последнее время переводоведческие работы характеризуются повышенным интересом не только к самому художественному тексту, но и к личности автора-переводчика (Н. М. Любимов, Ю. Д. Левин, А. В. Фёдоров, А. А. Брагина).

В. П. Белянин строит следующую цепочку перекодирования и восприятия иностранного текста, где переводчик является основным звеном в постижении значения-смысла, а затем и перекодирования его на другой язык:

Автор
значение – смысл
реципиент
смысл – значение
переводчик

В связи с наличием в подобной цепи большого количества звеньев, каждое из которых может существ-

венно изменить и заменить смысловую доминанту более подходящей к адаптируемой картине мира, необходимо рассмотреть употребление эмоционально-оценочной лексики в тексте-оригинале и ее переводах на русский язык. Мы обратим внимание на особенности построения эмоционально-оценочных компонентов в повести-оригинале и ее русских интерпретациях. Для анализа были выбраны американская книга, написанная Л. Ф. Баумом – «The Wonderful Wizard of Oz» [3], ее перевод на русский язык С. Беловым – «Удивительный волшебник страны Оз» [4], а также переложение, сделанное нашим соотечественником А. М. Волковым – «Волшебник Изумрудного города» [5]. Для подробного анализа мы рассмотрим две главы книги – «Ураган» и «Изумрудный город». В данных главах дается подробное описание маленького степного мира, в котором жила Элли до путешествия (реальное пространство), и Изумрудного города (сказочное пространство), куда попала девочка после урагана.

Девочка Элли в повести Л. Ф. Баума, переводе С. Белова и переложении А. М. Волкова начинает свое путешествие в волшебную страну из Канзаса. Все авторы в своих текстах дают подробное описание этой местности. Л. Ф. Баум показывает безрадостное, серое место:

When Dorothy stood in the doorway and looked around, she could see nothing but the great gray prairie on every side. Not a tree nor a house broke the broad sweep of flat country that reached to the edge of the sky in all directions. (Когда Дороти стояла в дверях и смотрела вокруг, она не видела ничего, кроме огромной серой прерии, окружавшей ее со всех сторон. Ни дерево, ни дом не нарушали широких просторов равнинной местности, которая доходила до края неба во всех направлениях.)

Именно здесь природа царствует над людьми и подчиняет их себе: солнце и ветер все вокруг делают безжизненным и безрадостным, превращают в серую массу:

The sun had baked the plowed land into a gray mass, with little cracks running through it. Even the grass was not green, for the sun had burned the tops of the long blades until they were the same gray color to be seen everywhere. (Солнце обожгло вспаханную землю, превратив ее в серую массу с маленькими трещинками, бегущими по ней. Даже трава не была зеленой, так как солнце выжгло длинные былинки, пока они не стали того же серого цвета, который был виден повсюду.)

Для Л. Ф. Баума характерно частое употребление в тексте лексемы «серость». Именно она становится наиболее точной оценочной доминантой пространственной картины. Автор с ее помощью описывает безрадостное существование семьи.

Природа, дом, внешний вид тети и дяди Генри описывается только с помощью слов с отрицательным оценочным значением. Все выглядит безжизненным, «серым». Ярким пятном являются в повести Л. Ф. Баума (глава «Ураган») девочка Элли и ее черный щенок. Автор описывает щенка, используя слова только с положительным оценочным значением:

It was Toto that made Dorothy laugh, and saved her from growing as gray as her other surroundings. Toto was not gray; he was a little black dog, with long silky hair and small black eyes that twinkled merrily on either side of his funny, wee nose. Toto played all day long, and Dorothy played with him, and loved him dearly. (Именно Тото заставлял Дороти смеяться и уберечь ее от того, чтобы она стала такой же серой, как все ее окружение. Тото не был серым: он был маленькой черной собакой с длинной шелковистой шерстью и маленькими черными глазами, которые весело поблескивали с каждой стороны. Тото играл весь день напролет, и Дороти играла вместе с ним и нежно его любила.)

В переложении А. М. Волкова Канзас и его обитатели представлены совсем иначе, что отличает сказку «Волшебник Изумрудного города» А. М. Волкова от оригинала сильнее, чем какие-либо другие переводы. Это произведение нельзя назвать собственно переводом, хотя оно первоначально было задумано как таковой. Однако, после того как текст был переведен, он подвергся художественной переработке и впоследствии публиковался под именем А. М. Волкова. «Не принимать этот текст во внимание, говоря о переводах на русский язык сказки Л. Ф. Баума, было бы неправильно, поскольку на протяжении долгого времени он фактически представлял оригинал в русской (советской) культуре» [2, с. 95].

Изменения, внесенные пересказчиком, можно разбить на две тесно взаимосвязанные друг с другом группы: формальная и содержательная.

При рассмотрении содержательной стороны отрывка «Ураган» в интерпретации А. М. Волкова можно отметить существенную разницу с книгой Л. Ф. Баума (добавление и элиминация значимых моментов, что делает описываемые явления более радостными и светлыми, более близкими для оптимистичного детского восприятия жизни). Мы сразу узнаем в «Волшебнике Изумрудного города» (А. М. Волков), что у девочки есть родители (Л. Ф. Баум «дарит» своей героине только дядю и тетю). А. М. Волков «подселяет» к Элли и ее семье других жителей Канзаса: «дядю Роберта с сыновьями Бобом и Диком», «старого Рольфа» и других фермеров, которые «сеют пшеницу и кукурузу». Значима интерпретация начала урагана: в книге Л. Ф. Баума, в русском переводе С. Белова это природное явление,

а А. М. Волков представляет данное стихийное бедствие «рукотворным» детищем «злой волшебницы Гингеми». Автор не случайно вводит героя-антагониста – с его помощью А. М. Волков еще масштабнее противопоставляет злое и доброе, хорошее и плохое. В связи с таким своеобразным, дополненным в содержательном плане переложением повести Л. Ф. Баума книга «Волшебник Изумрудного города» становится более эмоциональной, с большим количеством оценочных элементов, которые влияют на восприятие текста читателями.

Канзас в переводе А. М. Волкова не выглядит безрадостной, серой местностью. Автор оживляет свое описание, используя слова с положительным оценочным значением: *Широкая степь не казалась Элли унылой: ведь это была ее **родина***. В данном предложении интересно употребление лексемы «родина», которая в повести Л. Ф. Баума отсутствует. «Для русского человека характерно очень личное и открытое (в словесном плане) эмоциональное отношение к *родине-матушке, к святому отечеству*» [6, с. 176]. В русской языковой картине мира значение слова *родина* имеет широкую положительную коннотацию, о чем свидетельствует целый ряд пословиц и поговорок, закрепивших народную мудрость (родной край – сердцу рай, Родина – мать, чужбина – мачеха, родная земля и в горсти мила). Автор приписывает всей местности положительное оценочное значение, так как это *родина* Элли. Именно поэтому девочка не хочет оставаться в «красиво раскрашенном зеленым цветом» Изумрудном городе, она постоянно стремится возвратиться НА РОДИНУ: *Пошлите меня на родину, в Канзас, к папе и маме...*

Все пространство главы повести «Ураган» интересно представлено А. М. Волковым. Как и Л. Ф. Баум, он не умаляет силы природы и показывает всю ее мощь: *Степные ураганы не раз опрокидывали легонькое жилище фермера Джона*.

Писатель изображает рукотворный человеческий мир мелкомасштабнее, мельче, теряющимся в больших и широких пространствах. Этого достигает автор, используя лексемы с суффиксами, несущих уменьшительное значение: *домИК, легОНЬКое жилище, печКа, песИК, хорошЕНЬКие туфельКи*. Подобным образом представлена и ничтожность тварей, которые используются ведьмой Гингемой для создания мощного урагана: *мышКи, змейКи, паучКи*. Такой прием служит также для создания оценочных компонентов повести, и его автор использует на протяжении всего произведения. В главах «Изумрудный город» и «Удивительные превращения волшебника Гудвина» (в содержательном плане они составляют одну главу «Изумрудный город» в книге Л. Ф. Баума) автор показывает и сравнивает «маленьких» героев-чужестранцев и Великого Волшебника,

используя контекстуальные антонимы и графическое изображение (заглавные буквы) для наглядного противопоставления:

– Я – Гудвин, **Великий и Ужасный!**

– Я – Элли, **маленькая и слабая**.

Автор пытается внести новое в текст, близкое и понятное для русского человека. Так, при описании убранства дома А. М. Волковым, в отличие от С. Белова, лексема *a cook stove* «плита, печь» была переведена традиционной для русского человека лексемой «печь»: *Обстановка домика была бедна: железная печка, шкаф, стол, три стула и две кровати*.

Все отмеченные нами черты, особенности, используемые средства выражения эмоционально-оценочных составляющих компонентов текста отличают ставшее впоследствии самостоятельным произведение А. М. Волкова от текста-оригинала.

В переводе сказки Л. Ф. Баума, сделанном С. Беловым, нет существенных изменений сюжета повести-оригинала. Но свой текст-перевод он «подчиняет» языковой картине мира, которая свойственна русскому человеку. В главе «Изумрудный город» переводчик специально элиминирует значимое определение, несущее в себе оценочный компонент, которое дается Л. Ф. Баумом при описании счастливых людей, населяющих волшебную страну:

*Every one seemed **happy and contented and prosperous***. (Каждый казался и **счастливым, и довольным, и богатым**.)

*У жителей Изумрудного города был **веселый и довольный** вид* (С. Белов).

Лексема «богатый», как нам кажется, намеренно опущена автором перевода. Основной составляющей счастья и главной ценностью для русского человека является его душа, гармония его внутреннего мира, а в американском обществе существует еще один компонент – богатство. Т. Л. Морозова указывает на внутреннее противостояние ценностей в американском обществе, считая, что у этого народа «с одной стороны – служение Богу, с другой – служение мамоне, с одной стороны – идущее от отцов-пилигримов стремление к праведности, с другой – жажда обогащения» [7, с. 28].

С. Белов при переводе американского текста почти не изменяет оценочных знаков тех или иных объектов, но в некоторых предложениях опускает аксиологическое определение, данное Л. Ф. Баумом:

*Aunt Em, badly frightened, threw open the trap door in the floor and climbed down the ladder into the **small, dark hole***. (Тетушка Эм, сильно напуганная, распахнула люк в полу и спустилась вниз по лестнице в **маленькую темную яму**.) (Л. Ф. Баум).

*Перепуганная тетя Эм отворила люк и быстро стала спускаться по лесенке в **убежище*** (С. Белов).

В других случаях он добавляет оценочное определение, которое помогает читателю более детально представить описанную в повести картину:

There were four walls, a floor and a roof, which made one room; and this room contained a rusty looking cook-stove, a cupboard for the dishes, a table, three or four chairs, and the beds. (Было четыре стены, пол и крыша, которые образовывали одну комнату, и в этой комнате находились: **ржавая на вид кухонная плита**, буфет для посуды, стол, три или четыре стула и кровати.) (Л. Ф. Баум).

*В нем были четыре стены, крыша, пол и одна единственная комната, в которой стояли **старая ржавая плита**, буфет, стол, несколько стульев и **две кровати*** (С. Белов).

В данном предложении автор специально добавляет лексему «старый», которая несет в себе дополнительный отрицательный семантический оттенок к словосочетанию *ржавая плита*.

Дополнительное оценочное значение слова приобретают и при изменении морфемного состава переводчиком. С. Белов в своем тексте использует слова с суффиксом, несущим уменьшительное значение (домик, деревцо, кроватка): *Когда-то дядя Генри покрасил домик, но от солнца краска стала трескаться, а дожди окончательно ее смыли, и теперь он стоял такой же уныло-серый, как и все остальное.* В этом предложении присутствуют также слова, являющиеся однокоренными. В. Г. Красильникова отмечает, что семантическая избыточность является специфическим элементом идиостиля С. Белова как переводчика. Нередки случаи, когда в одном предложении присутствуют несколько слов с общей семьей: *Домик был маленький, потому что доски для его постройки пришлось **везти на повозке** издалека.*

Повтор считается одним из способов организации фольклорных текстов, а также произведений, которые стремятся продолжать народные традиции. Усиление значения прилагательных, существительных, глаголов и наречий в тексте достигается в основном за счет повторов: *За окнами было **темным-темно**, и ветер выл диким зверем; Потoki воздуха все **сильней и сильней** давили на стены дома.*

Значение оценки может быть передано и в речевых клише (что сближает перевод С. Белова с пересказом А. М. Волковым): *Тотошка мог играть с утра до вечера, и Дороти души не чаяла в своем верном друге.*

В оригинальном тексте Л. Ф. Баума данная идиома заменена другими лексемами: *Toto played all day long, and Dorothy played with him, and loved him dearly.* (Тото играл весь день напролет, и Дороти играла вместе с ним и нежно его любила.)

Таким образом, С. Белов, используя возможности русского языка, делает повествование не только более

привычным для русского сознания, но и более эмоционально насыщенным, при этом он иногда заменяет стилистически нейтральные оценочные единицы синонимичными лексемами сниженного или разговорного характера: *Она доползла по ходящему ходуном полу до своей кровати, залезла на нее, а Тотошка **примостился** рядом.*

Отметим, что автор работает с переводом книги особого жанра – сказки, он пытается стилизовать прямую речь, сделать ее похожей на разговорную.

Таким образом, анализ показал, что в тексте каждого перевода в той или иной мере присутствуют элементы, содержащие эмоционально-оценочный компонент, отличный от текста оригинала. В тексте, предложенном А. М. Волковым, представлена действительность, которая осмыслена в несколько иной аксиологической плоскости, что неизбежно при попытке отразить художественный мир, созданный творческим сознанием средствами другого языка. Поэтому перевод художественного текста имеет преимущественно интерпретативный характер, причем возможно практически неограниченное количество интерпретаций одного текста, которые будут различаться некоторыми семантическими параметрами, связанными как с областью лексики, так и с формами контекстно-вариативного членения и присущими им синтаксическими закономерностями. Изучение вариации и смен аксиологического знака не только отдельных лексем, но и всего текста важно для более точного и глубокого понимания как самого произведения, так и его отдельных частей, для того чтобы дать оценку не только художественной ценности произведения, но и полезности произведения для маленького мира юного читателя. Именно верная оценочная «окраска» текста, предназначенного для ребенка, помогает правильно сформировать и развить необходимое ценностное отношение к окружающему миру. И задача современного исследователя состоит в выявлении сходства и различия картин мира, отраженных и переработанных творческим художественным сознанием, что необходимо для взаимопонимания и того диалога культур, к которому призывает время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кольцова Л. М. Пунктуационный эксперимент в художественном тексте : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Л. М. Кольцова. – Воронеж, 2006.
2. Красильникова В. Г. Психолингвистический анализ семантических трансформаций при переводе и литературном пересказе художественного текста : дис. ... канд. филол. наук / В. Г. Красильникова. – М., 1998. – 237 с.
3. Baum L. F. The Wonderful Wizard of Oz / L. F. Baum. – Penquin, 2005. – 155 p.

4. Баум Л. Ф. Удивительный волшебник страны Оз / пер. с англ. С. Белова / Л. Ф. Баум. – М. : Моск. рабочий, 1993. – 319 с.

5. Волков А. М. Волшебник Изумрудного города / А. М. Волков. – М. : АСТ, 2002. – 285 с.

Воронежский государственный университет

Кольцова Л. М., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка

E-mail: kolzowa@mail.ru

Тел.: 8-950-761-98-24

Токмакова С. Е., аспирант кафедры русского языка

E-mail: mihtok@mail.ru

Тел.: 8(473)220-84-26

6. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово/Slovo, 2000. – 624 с.

7. Морозова Т. Л. Спор о человеке в американской литературе : история и современность / Т. Л. Морозова. – М. : Наука, 1990. – 334 с.

Voronezh State University

Kol'tsova L. M., Doctor of Philology, Professor, Head of the Russian Language Department

E-mail: kolzowa@mail.ru

Тел.: 8-950-761-98-24

Tokmakova S. E., Post-graduate Student of the Russian Language Department

E-mail: mihtok@mail.ru

Тел.: 8(473)220-84-26